

Н.В. Карпова, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

N.V. Karpova, PhD in sociology, associate professor at the department of political science and sociology of political processes, faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

POLITICAL CULTURE AS A STRUCTURAL ELEMENT IN THE MECHANISM OF POLITICAL SYSTEMS

Статья посвящена проблеме изучения политической культуры в структуре механизма функционирования политических систем. Автор анализирует основные концептуальные подходы к исследованию политической культуры, раскрывает ее уровни и внутреннее содержание, рассматривает основные типы политической культуры в контексте их влияния на стабильность политической системы.

Ключевые слова: политическая культура, политические ориентации, политическая субкультура, гражданская культура, политическая система, политический процесс, политическая стабильность.

The article is devoted to the issue of political culture in the mechanism of political systems. The author analyzes the main conceptual approaches to the interpretation of political culture, reveals its content and levels, considers the main types of political culture in the context of their impact on the stability of the political system.

Keywords: political culture, political orientations political subculture, civic culture, political system, political process, political stability.

Политическая культура является одной из базовых категорий как для политической науки, так и для политической социологии. В методологическом плане она позволяет исследовать механизмы взаимодействия между социальной средой и политической системой с позиций субъективных оснований. Ведь в каждом обществе существуют свои особые, присущие только ему нормы, ценности, традиции, стереотипы, формы политического участия, которые так или иначе придают специфику объективным социально-поли-

* Карпова Наталья Владимировна, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

тическим связям и отношениям, определяют характер политического процесса. Политическое развитие различных государств не раз показывало, что наличие институциональных структур без их наполнения соответствующим культурным содержанием не приводит к быстрым положительным результатам, а наоборот, является источником неустойчивости и нестабильности политической системы. Так произошло в 1990-е гг. в России, где заимствованные на Западе модели политических институтов не заработали на уровне зрелой демократии в один момент. Поэтому без знания и понимания качественных характеристик, политико-культурного капитала общества, исследование механизма функционирования политических систем будет неполным и поверхностным. Политическая культура — это ключевой элемент “постижения политической жизни. <...> Если мы не будем ее учитывать, мы не поймем, как же действительно функционирует политика”¹ во всех ее проявлениях.

Свой научный статус категория “политическая культура” приобрела в трудах американских исследователей Г. Алмонда и С. Вербы в 1950-е гг. Ее создание во многом было обусловлено интенсивным развитием в тот период компаративистских исследований политических систем. Историческим посылом распространения этих исследований послужили кардинальные изменения, происходившие в мировом пространстве после Второй мировой войны. И связаны они были, прежде всего, с процессами деколонизации и политическим развитием новых государств. Пытаясь найти формулы и рецепты эффективной модернизации, ученые ставили вопросы о том, почему одни и те же политические институты в разных системах работают по-разному, а формальное перенесение демократических политических структур не всегда означает успех в их адаптации и функционировании.

Термин “политическая культура” разрабатывался как производная от категории “культура”, являющейся одной из базовых в социологии и антропологии. Данное заимствование позволяло исследователям не только применять концептуальные форматы этих дисциплин, но и во многом повлияло на дальнейшие интерпретации самого понятия. Однако несмотря на широкое распространение самого термина как в теоретических, так и в прикладных исследованиях различных областей знания, до настоящего времени единой устоявшейся дефиниции политической культуры не существует. И этому имеется несколько объяснений.

¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 94.

Во-первых, сложность и неоднозначность дефиниций родовой категории политической культуры — понятия “культура”. Действительно, культура как феномен относится к междисциплинарной области знания и исследуется целым рядом различных общественных и гуманитарных наук (философией, социологией, культурологией, историей, психологией и др.). Исходя из специфики своей объектно-предметной области, уровня и сферы проявления культуры, каждая из дисциплин предлагает соответствующие ее трактовки, образуя тем самым естественный разброс мнений и преставлений. Особенность социологического подхода в исследовании культуры заключается в рассмотрении этого явления как совокупности норм, ценностей, традиций, опыта, разделяемых конкретным сообществом людей и регулирующих их жизнедеятельность. В рамках данного подхода вопросы культуры изучаются в контексте ее места, роли и функций в формировании и развитии социальных систем (систем социальных взаимодействий)². И поэтому именно социологические теории становятся научным фундаментом разработки концепции политической культуры в контексте анализа механизма функционирования политических систем.

Во-вторых, отсутствие единой дефиниции политической культуры обусловлено наличием ряда концепций самой политической культуры в рамках политической науки и политической социологии, которые, прежде всего, разнятся в понимании ее структуры, внутреннего содержания и границ. Кроме этого причиной некоего размывания понятия стала также его популярность в общественных кругах и публицистической литературе. Характеризуя научную судьбу понятия “политическая культура”, американский политолог Л. Пай отметил, что “сам термин способен порождать быстрое *интуитивное понимание*, так что людям кажется, что они без дальнейшего уточнения могут проникнуть в смысл и пользоваться им”³. К числу подобных “интуитивных пониманий” можно, например, отнести принципиально неверное выражение “отсутствие политической культуры”, используемое в конкретных государствах, поскольку политическая жизнь вне рамок политической культуры невозможна.

В политической науке и политической социологии к настоящему времени сложились три основных концептуальных подхода к определению политической культуры. Первым из них, в том числе по времени появления, стал *ориентационный подход*, по сути сводящий

² См.: Общая социология: Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 2002. С. 339.

³ Цит. по: *Формизано Р.П.* Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 112.

политическую культуру к сфере политического сознания (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай и др.). В своей классической работе “Гражданская культура: политическая демократия и установки в пяти нациях” (первое издание — 1963 г.) Г. Алмонд и С. Верба рассматривают политическую культуру народа или страны как специфическое распределение “моделей ориентаций по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению данной страны”. Основываясь на общем понимании культуры как системы “ориентаций (установок, склонностей) по отношению к особой совокупности социальных объектов и процессов”, содержание политической культуры авторы определяют как совокупность «политических ориентаций по отношению к политической системе и ее различным частям, а также... по отношению к роли собственного “я” в политической системе»⁴.

Политические ориентации в содержании политической культуры являются субъективно-психическими образованиями, состоящими из трех блоков. Это: 1) блок когнитивных элементов (знания, убеждения относительно объектов политической системы), 2) эмоциональные элементы (чувства, ощущения по отношению к политической системе и ее ролям) и 3) оценочные компоненты (суждения и мнения). Причем, эти ориентации характеризуются учеными не просто как проекция со стороны первичной (детской) социализации, а прежде всего как результат выработки рационального отношения к политике в ходе приобретения и усвоения политического опыта.

Среди объектов политических ориентаций исследователи выделяют политическую систему, конкретные роли и структуры политической системы (объекты на “входе” и “выходе” политической системы), а также самих индивидов как участников политического процесса. Ориентации относительно политической системы выявляют такие черты политической культуры, как патриотизм или отчуждение, наличие или отсутствие национальной гордости, характер общенациональных ценностей, государственной идентичности. Ориентации относительно компонентов политической системы позволяют оценить отношение граждан к конкретным политическим структурам и их функциям — исполнительной, законодательной власти, бюрократии, политическим партиям. А ориентации относительно “себя как актора политической системы” раскрывают “ощущение личной компетентности граждан перед лицом политической системы”, показывают состояние и тип политического

⁴ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014. С. 28, 30.

сознания индивида, его готовность принять участие в политическом процессе.

Чуть позже (в 1970-е гг.) исследование политических ориентаций как структурных элементов политической культуры получило свое продолжение, в частности в трудах У. Розенбаума. Американский исследователь говорил о необходимости выделения в политической культуре следующих видов ориентаций: *ориентации относительно институтов государственного управления*, включающие в себя удовлетворенность (или неудовлетворенность) институтами государственной власти, доверие или недоверие им, оценку и реакцию на конкретные политические решения, представления об эффективной государственной политике; *ориентации относительно “других” в политической системе*, в содержание которых входит политическая идентификация граждан, готовность сотрудничать с другими группами или наоборот, а также установки по отношению к “правилам политической игры”, к правам и обязанностям участников политического процесса; и *ориентации относительно своей собственной политической деятельности*, включающие в себя политическую компетентность (ориентации относительно политической активности) и ответственность (представления о важности гражданской активности)⁵.

Задачи определения внутреннего содержания политической культуры, раскрытия контента ее структурных элементов изначально представлялись ученым значимыми не только в рамках теории, но и с позиций эмпирического уровня. Особую важность это имело для социологического анализа политической культуры, поскольку его цели и задачи требовали разработки точного методологического инструментария. А политические ориентации как раз и становились такими переменными, с помощью которых возможно было измерять реальное “состояние политической культуры” в конкретном обществе, а также проводить сравнение политических культур разных стран. Впоследствии большинство социологических исследований политической культуры (также как и выделение ее типов) строилось именно на изучении характера и направленности политических ориентаций.

Вместе с тем, рассматривая политическую культуру как совокупность установок, убеждений, склонностей, как “проявление в агрегированной форме психологических и субъективных измерений политики” (Л. Пай), представители ориентационного подхода оставляли вне ее содержания элементы политического поведения.

⁵ См.: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сб. учеб. мат-в / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М., 2001. С. 112–113.

Культура для них, по сути, представлялась фактором политического действия. В то время как корреляция между политическими ориентациями и формами политического поведения не всегда является линейно зависимой, и не все модели поведения индивидов и групп можно вывести из моделей сознания. Например, нередко случается так, что избиратели выражают явную готовность пойти на выборы, но эта готовность не означает реального воплощения на практике. Или когда чиновники говорят о борьбе с коррупцией, а сами наращивают ее обороты и создают новые формы.

Пытаясь разобраться в подобных противоречиях, ряд ученых (Р. Такер, У. Розенбаум, Е. Вятр, Д. Пол и др.) стали включать в содержание политической культуры наряду с субъективно-психическими элементами и принятые в конкретном обществе “образцы” (patterns) политического поведения. Сторонники этой научной позиции также исходили из того, что культура в принципе — это явление не только психологическое, но и поведенческое. “Политическая культура, — отмечал польский исследователь в области политической социологии Е. Вятр, — это совокупность позиций, ценностей и образцов поведения”, которые затрагивают “взаимоотношения власти и граждан”⁶.

Действительно, в каждом обществе существуют свои особые устойчивые, повторяющиеся, типизированные формы политического поведения, которые являются для индивидов схемой действия в конкретных ситуациях. В качестве переменных, фиксирующих поведенческий уровень политической культуры, можно рассматривать степень участия граждан в политической жизни общества, формы их взаимоотношения с объектами политической системы (как на ее “входе”, так и на “выходе”), структурами гражданского общества, специфику взаимодействия с другими субъектами политического процесса, модели электорального поведения.

Впоследствии, развивая теории о роли политической культуры в механизме функционирования и в изменении политических систем, ученые начали говорить, что для анализа политической культуры на уровне системы сведение категории “политическая культура” только к политическим ориентациям и образцам поведения не является достаточным. “Как модели политического поведения группы нельзя вывести из суммы моделей поведения составляющих ее индивидов, — отмечает отечественный исследователь Э.Я. Баталов, — так и модели функционирования политической системы и составляющих ее институтов не могут быть выведены из моделей поведения индивидов и групп, действующих в рамках системы”.

⁶ Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 259–260.

По мнению автора, на индивидуальном или групповом уровнях политическая культура еще может выступать как единство политического сознания и поведения. Но на социетальном уровне ее содержание обязательно должно быть дополнено “культурой функционирования политической системы и образующих ее институциональных структур”⁷.

Надо признать, что пока этот, названный *интегральным*, подход не получил широкого распространения в политической науке и политической социологии. В отечественных и преимущественно западных исследованиях политической культуры продолжают доминировать первые два из рассмотренных нами выше направлений. Однако значимость включения институционального компонента в структуру политической культуры очевидна. Институциональный блок политической культуры представляет собой “культурные образцы” функционирования политических институтов. Закрепляется он в принципах государственного устройства, включая в себя “правила игры”, в рамках которых протекает политический процесс. Влияние политической культуры на этом уровне просматривается, например, в методах принятия и осуществления государственных решений, особенностях функционирования институтов конкретных политических систем, типе электорального процесса и др. В этом смысле именно *интегральная* трактовка политической культуры в наибольшей степени позволяет раскрыть отношения власти—влияния между государством и обществом. Являясь структурным элементом механизма функционирования политических систем, политическая культура включается и, соответственно, оказывает влияние и на механизмы артикуляции и агрегации интересов со стороны социальной среды, и на механизмы принятия и реализации политических решений, а также на механизмы осуществления “обратной связи”.

Учитывая вышесказанное, под “политической культурой” мы будем понимать *систему исторически сложившихся, относительно устойчивых политических ориентаций (представлений, убеждений, чувств, оценок) относительно политической системы, моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования институциональных структур политической системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса*. Причем, субъектами политической процесса и, соответственно, носителями политической культуры могут выступать как отдельные

⁷ Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 10.

индивиды, социальные группы и общности, так и все общество в целом.

Большинство национальных политических культур, как, на наш взгляд, верно утверждали Г. Алмонд и С. Верба, являются сложными, неоднородными образованиями. Причем степень их разнородности и уровень сложности могут существенно варьироваться. Но, как правило, наряду с доминирующей политико-культурной системой в обществах существуют более или менее автономные подсистемы, называемые *политическими субкультурами*. Формирование таких субкультур может обуславливаться историей отдельных территорий страны, их этническими, культурными или конфессиональными особенностями, а также социально-экономическими факторами, внутренней дифференциацией социальной среды. В современных западноевропейских странах, например Франции, Германии, Бельгии, в развитии политической субкультурности большое значение приобрели происходящие там миграционные процессы. Немаловажную роль в развитии политических субкультур также могут играть политические факторы — характер функционирования политической системы, характер территориально-государственного устройства, трансформационные процессы, политические конфликты, кризисы.

Подобная сложность и гетерогенность присущи, в частности, и политической культуре российского общества, причем координаты ее измерения лежат в региональной, социальной и политической плоскостях. “Полисубкультурность” в политической культуре российского общества, с одной стороны, имеет исторические корни из-за наличия в нашей стране различных национально-культурных и региональных особенностей. С другой стороны, развитие гетерогенности усугубили транзитные изменения 1980–1990-х гг., повлекшие за собой трансформацию ценностных систем в российском обществе. Кроме этого, за время реформ в стране сложилась система огромного по своему уровню социального неравенства, которая естественно разделила общество не только по экономическим показателям, но и по ценностным критериям, политическим установкам, степени доверия власти, характеру политического участия. Очевидно, что политические ценности и политическая культура в обществе, в котором доходы 10% самых богатых превышают доходы 10% самых бедных россиян в 18 раз⁸, по объективным основаниям однородными быть не могут.

⁸ См.: Россия: социальное неравенство возрастает. 2013.09.10 // Официальный сайт Аналитического портала “Мир безопасности”. URL: <http://id-mb.ru/news/russia/3451/> (дата обращения: 31.01.15).

Конечно, основания субкультурности в российской политической культуре нельзя ограничивать только этими тремя критериями. Субъектами политической субкультуры могут выступать и возрастные социальные группы, например, молодежь. Однако важно понимать, что в политико-культурной проекции как культурно-ценностная, социально-экономическая, так и региональная, и поколенческая разнородности главным образом высвечивают проблемы социально-политической интеграции общества, решение которых относится к числу приоритетных с точки зрения достижения стабильности любой политической системы.

Анализируя причины и факторы неоднородности политических культур, Г. Алмонд и С. Верба использовали понятие “ролевая культура”⁹. Ролевая культура для них представляла собой форму субкультуры, привязанную к конкретным ролям в политической системе — бюрократическим, партийным, связанным с группами интересов или средствами коммуникации. Поскольку носителями ролевых культур являются политические элиты, то, соответственно, возникновение гетерогенности на этом уровне происходит из-за того, что сами элиты могут рекрутироваться из различных субкультур и разделять различные политические позиции. При этом характер и количество ролевых культур во власти, конечно, будут зависеть от механизмов рекрутирования политических элит в политической системе: насколько они открыты, демократичны и конкурентны.

Так, согласно исследованиям О. Крыштановской, ядро верхнего эшелона правящей российской элиты еще с ельцинских времен составляли преимущественно выходцы из силовых структур, прошедших социализацию в советское время. Поэтому свойственные данным структурам (тем более в советский период) авторитарные принципы управления не могли не отразиться на характере политических ориентаций и норм поведения уже нынешних представителей власти. И этот факт также не может не учитываться при анализе субъективных оснований укрепления в российской политической системе авторитарных тенденций и персоналистского режима, когда “верховное лицо делегирует власть вниз по ее ступеням в дозированных пределах”¹⁰.

Политико-культурные различия между ролевыми структурами элит внутри политической системы могут оказывать различное

⁹Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 3–4. С. 209.

¹⁰Шейнис В. Переход через Рубикон // Независимая газета. 2015. 13 февр. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-02-13/5_rubikon.html (дата обращения: 24.02.2015).

влияние на характер ее функционирования. В стабильных политических системах отличия в ролевых культурах ограничиваются преимущественно расхождениями по вопросам реализации политики, а ориентации относительно легитимности политических структур остаются едиными. Например, в Великобритании представители консервативной и лейбористской партий могут иметь серьезные отличия в осуществлении политического курса, в то время как их политические установки по отношению к структуре политической системы остаются едиными. В нестабильных же системах расхождения в ролевых культурах являются более существенными и касаются всего механизма властной регуляции. А это уже может стать причиной развития культурной фрагментации на уровне элит. Фрагментация ролевых культур особенно отчетливо проявляется в условиях трансформационных процессов при переходе политических систем от авторитарного режима к демократическому. При этом разнородность политических субкультур на уровне элит может сосуществовать параллельно с тенденцией к однородности политической культуры на уровне общества, и наоборот.

Задачи “измерения” состояния политической культуры в различных странах как субъективной основы функционирования политических систем неизбежно актуализируют вопросы ее типологизации. В современной науке существуют и применяются несколько теоретико-методологических подходов к определению типов, или моделей, политической культуры. Так, по наличию и характеру политических субкультур в политической культуре общества исследователи выделяют *консенсусные* и *конфликтные* политические культуры¹¹.

В консенсусном типе культур существует согласие между гражданами (даже если они принадлежат к различным субкультурам), а также гражданами и элитами по отношению к существующему в конкретной стране политическому порядку, механизмам принятия политических решений. В подобных культурах преобладают отношения доверия и на уровне общества, и между обществом и политической системой. По своему внутреннему содержанию консенсусные культуры могут быть как демократическими, так и авторитарными, но так или иначе такой тип культуры является условием стабильности политической системы. Конфликтные же культуры характеризуются глубокими расхождениями в политических ценностях, установках их субъектов, причем “они касаются

¹¹ См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. С. 104–105. В свою очередь У. Розенбаум называл эти культуры “интегрированными” и “фрагментированными”.

как легитимности режима, так и путей разрешения важнейших проблем”. Ярким примером страны с конфликтующими субкультурами является современная Украина с наличествующим в ней комплексом принципиальных политических противоречий между “западом” и “востоком”.

Исходя из цивилизационных оснований формирования государств, исследователи различают политические культуры западного и восточного типов¹². Политическую культуру Запада характеризуют индивидуализм, преимущество личности перед государством, отделение власти от собственности, отношение к государству как инструменту реализации интересов гражданского общества, признание политического плюрализма в качестве нормы политической практики, убежденность в необходимости контроля над политическими элитами, понимание политики как конкуренции. Политическим культурам восточного типа, наоборот, присущи приоритет государства перед личностью, сакрализация власти, слабо выраженная ценность прав и свобод личности, политическая пассивность и др. Отметим, что данный критерий может использоваться и в отношении политических субкультур в рамках одной национальной культуры.

Наибольшую известность и научное применение в анализе политических культур получило деление политической культуры на “патриархальную”, “подданническую” и “культуру участия” (Г. Алмонд, С. Верба). В качестве основного критерия данной типологии был выделен уровень “частотности различных видов когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций на политическую систему”. Так, *патриархальная политическая культура* (в относительно “чистом” виде присущая самым простым традиционным системам с минимальной политической дифференциацией) проявляется, когда частотность всех ориентаций приближается к нулю. В современных же политических системах патриархальная политическая культура выражается прежде всего в отсутствии у граждан интереса к политике, к существующей политической системе и процессам, в отсутствии потребностей участия в политической жизни, как и соответствующих навыков политической деятельности.

Подданнической политической культуре присуща сильная ориентация индивидов на ценности, предлагаемые политической системой, но которая сочетается с несистематизированными знаниями и слабой осмысленностью происходящих политических процессов, низкой степенью участия индивидов в политической жизни. Субъект такой политической системы — “подданный осознает су-

¹² См.: *Ирхин Ю.В.* Социология культуры. М., 2006. С. 112–117.

ществование правительственной власти и чувственно ориентирован на нее”, но это отношение исключительно к “нисходящему потоку политической системы”, которое носит пассивный характер.

Политическая культура участия — это культура, в которой члены общества определенно ориентированы на систему вообще, а также на политические и административные структуры и процессы, т.е. на аспекты как “входа”, так и “выхода”. Этот тип проявляется в наличии у граждан высокого и осознанного интереса к политике, стремлении быть компетентным в вопросах политической жизни страны, наличии навыков политической деятельности и желании принимать в ней активное участие. При этом Г. Алмонд и С. Верба подчеркивали, что ориентации граждан на различные классы политических объектов могут быть не только позитивными, но и негативными: их чувства и оценки “могут варьироваться от одобрения до неприятия”¹³. В политической культуре участия выражается активная и осмысленная позиция индивидов, что делает ее культурой *рационального* отношения гражданина как к политической системе в целом, так и к ее отдельным структурам и институтам.

Однако эти три выведенные модели политической культуры в методологическом плане представляются некими “идеальными” теоретическими конструктами, или, как их называли сами авторы, “чистыми типами”. С позиций обеспечения стабильности политической системы (в идеале) каждая конкретная политическая культура должна согласовываться с определенным типом политической системы. Патриархальная культура наибольшим образом соответствует традиционной системе, подданническая — авторитарной, а культура участия — демократической. Но на практике реальные политические процессы оказываются намного сложнее и не измеряются только линейными зависимостями. В условиях трансформаций политических систем темпы культурных изменений не всегда совпадают с интенсивностью изменений в политических структурах. Как правило, субъективные основы политической системы изменяются намного медленнее, чем ее институциональные структуры. И переход от одного типа политической культуры к другому — это всегда не одномоментный скачок и даже не краткосрочный процесс. Поэтому, хорошо понимая, что состояние политической культуры в условиях трансформаций недостаточно измерять только “идеальными” моделями, Г. Алмонд и С. Верба вывели также три типа смешанных культур, которые соотносятся с направленностью переходных процессов. Это *патриархально-подданниче-*

¹³ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (1) // Полития. 2010. № 2. С. 136.

ская, подданническо-участническая и патриархально-участническая культуры¹⁴.

Любая из этих смешанных политических культур может иметь свою особую вариацию, характерную для конкретной политической системы на определенном историческом отрезке времени. В силу своего переходного характера эти культуры нестабильны, а вектор их изменения может поворачиваться то в одну, то в другую сторону. В зависимости от влияния исторических, культурных и политических факторов изменение политической культуры может “стабилизироваться в целом ряде точек некоего континуума” и порождать совершенно “разные политические, психологические и культурные смеси”. И, конечно, то, какая формула политической культуры образуется на каждом из этапов политического развития, будет во многом определять и характер изменений политической системы.

Модели *патриархально-подданнических* культур характерны для ранних периодов развития традиционных (доконституционных) государств, т.е. для того времени, когда в них происходило формирование централизованной системы политической власти. *Подданническо-участнические* культуры образуются в системах, осуществляющих свой переход к демократическому устройству. Причем, о формировании этого типа культуры можно говорить применительно к странам, где процессы демократизации происходили “снизу”, как это было в государствах Западной Европы, так и к странам, переживающим демократизацию “сверху” (Россия в 1990-х гг.). Очевидно, что длительность существования этих культур, как и их содержание в разных случаях будут различными. В любом случае смешанная подданническо-участническая культура отличается тем, что в ней значительная часть населения уже усвоила активистские политические позиции, но “большинство остального населения продолжает ориентироваться на авторитарную властную структуру”.

Следует согласиться с мнением исследователей, что подданническо-участническая культурная смесь является весьма неблагоприятным фактором для установления стабильности политической системы, особенно в условиях догоняющей демократизации, поскольку формирующаяся культурная модель сама оказывается под воздействием структурной неустойчивости, характерной для переходных систем. Кроме этого она подвержена и влиянию со стороны “культурного тупика”, вызванного базовыми противоречиями между подданническими и участническими ориентациями. Безу-

¹⁴ См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (I). С. 140–143.

ловно, сохранение подданных тенденций в политической культуре (в первую очередь на институциональном уровне), особенно если они имеют долгую историю и глубоко укоренены в традициях, будет неизбежно препятствовать распространению активистских позиций; "...в итоге, — подчеркивают Г. Алмонд и С. Верба, — тот слой населения, который ориентирован на участие" склонен оставаться не более чем соискателем демократии¹⁵. Таким образом, сохранение подданныческо-участнического варианта политической культуры на фоне неэффективных демократических структур, отсутствия активных и действенных каналов взаимодействия между социальной средой и политической системой становятся причинами политического отчуждения граждан.

Очерченный в 1960-е гг. западными исследователями алгоритм полностью проявил себя в российской практике демократических реформ тридцать лет спустя. В самом конце XX столетия в нашей стране сложились две модели ценностных систем: одна из них тяготела к идеалам западной демократии (25–30%), а вторая — к традиционным для российского общества патриархально-коллективистским ценностям (35–40%)¹⁶. И западная модель, включающая в себя ориентацию на собственные силы, неприятие жесткой авторитарной власти, понимание свободы как набора определенных политических прав, должна была стать базисом для формирования политической культуры демократии. Однако ситуация сложилась иначе: политика российских властей в те годы, не способствовавшая становлению действенных социально-политических институтов, развитию гражданского общества, воплощению основ правового государства, а также сформировавшаяся огромная социально-экономическая пропасть между "верхами" и "низами" стали существенным препятствием для укоренения в обществе участнической культуры.

Формирование *патриархально-участнического* типа политической культуры связано с культурной модернизацией стран "третьего мира", вставших на путь демократического развития. Как известно, в 1950–1960-е гг. процессы политической модернизации, догоняющей по своей сути, сводились исследователями к двум основным задачам: формированию демократических политических институтов по западному образцу и изменению способов легитимации власти и системы политических ценностей¹⁷. А поскольку изна-

¹⁵ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. С. 45.

¹⁶ См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М., 2003. С. 498.

¹⁷ См. подробнее: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. С. 242–244.

чально в этих развивающихся странах существовала патриархальная культура, то им предстояло сделать огромный скачок, вырабатывая системы активистских ориентаций по отношению к вновь созданным институтам. На наш взгляд, данный тип следует рассматривать скорее как теоретический конструкт, нежели как реальное воплощение. Для таких обществ будет правильнее говорить о наличии патриархальной и участнической культуры в качестве самостоятельных субкультур.

В реальности наиболее действенным вариантом политической культуры, соответствующим демократической политической системе или стремящейся ею стать, является “гражданская культура”. В модели Г. Алмонда и С. Вербы *гражданская культура* — это *рационально-участническая* по своей сути, но при этом “смешанная” культура, в которой политические ориентации участия “сочетаются с патриархальными и подданническими ориентациями, никак не заменяя их”¹⁸. Подобное соединение политических ориентаций, по мнению ученых, приводит к культурному балансу, при котором “политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но при этом уравниваются пассивностью, традиционализмом и преданностью парохияльным ценностям”. Иными словами, с одной стороны, индивиды чувствуют себя и становятся акторами политических процессов, а с другой — они не отказываются от своих подданнических или патриархальных установок. Различные типы ориентаций сосуществуют и координируют друг друга.

Гражданская культура как тип политической культуры демократии характеризуется достаточно высоким интересом части граждан к политике, широкой информированностью о политических процессах, наличием политической зрелости, системы своих собственных политических ориентаций, сознательной политической активностью. Однако при этом характер политического участия и степень “давления” граждан на политические структуры не должны дестабилизировать политическую систему. Главной особенностью гражданской культуры является то, что в ней “политическая культура и политическая структура гармонизированы между собой”, находятся в соответствии друг с другом. Причем гражданская культура должна обеспечивать баланс как на уровне общества, так и в отношениях между обществом и политической системой.

В дальнейшем концепция гражданской культуры получила разработку в трудах голландских исследователей Ф. Хьюнкса и Ф. Хикспурса в 1990-е гг.¹⁹ Совершенствуя типологию культур Г. Алмонда

¹⁸ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. С. 52.

¹⁹ См.: Heunks F., Hikspoors F. Political culture 1960–1990 // Values in Western Societies / Ed. by R. de Moor. Tilburg, 1995. P. 51–82.

и С. Вербы, ученые очертили две группы политических культур — пассивные (приходская, подчинения, наблюдателей) и активные (протестная, клиентистская, автономная, гражданская, партиципантная (участия), гражданская партиципантная). В качестве эмпирических индикаторов названных типов были выделены уровень субъективного интереса индивидов к политике как про- или анти-системной ориентации, политическое доверие к государственным институтам, оценка возможностей личного участия в политической жизни и воздействие на политику как установку в отношении индивидуальной политической активности. Индивиды, ориентирующиеся на тип пассивных культур, не осознают возможности своего влияния на политику и не хотят принимать в ней участия. И, наоборот, индивиды, ориентирующиеся на активные типы политических культур, убеждены в своей возможности влияния на политические процессы и желают принимать активное участие в политических акциях. Таким образом, в отличие от других активистских культур основными чертами гражданской культуры назывались наличие у ее носителей умеренного (среднего) субъективного политического интереса, высокий уровень доверия к политическим институтам и высокие ожидания от собственной политической активности. Фактически, гражданская культура, как и в алмондовской теории, становилась моделью некоего усредненного типа активистской культуры, характерной для демократических систем.

Методологическая значимость понятия “гражданская культура” для политической социологии заключается в том, что оно сочетает в себе “инвариантные и варианты элементы”²⁰: здесь фиксируются устойчивые черты, характерные для политического сознания и поведения демократического общества вообще. Но в то же время в различных обществах эта модель допускает существование некоей специфики с учетом каких-либо национальных и общекультурных особенностей. Поэтому данную категорию очень удобно использовать для анализа состояния и тенденций развития политической (гражданской) культуры в каждом конкретном случае, а также в сравнительных исследованиях. И хотя модель гражданской культуры Г. Алмонда и С. Вербы (а также голландских исследователей) ограничивает ее понимание сферой сознания, это вовсе не означает, что она может использоваться только в данном контексте. Разделяемая нами *интегральная* трактовка политической культуры предполагает вывод категории “гражданская культура” на социальный уровень. Таким образом, ее принципы должны реализовываться и на уровне политического поведения, и на уровне функционирования политических институтов.

²⁰ Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 14.

Стабильное функционирование демократической политической системы возможно, когда сама система будет создавать условия для реального воплощения потенциала индивидов участвовать “в процессе принятия политических решений в качестве влиятельного и влияющего гражданина”²¹. Когда в том числе и ролевые культуры субъектов, находящихся во властных структурах, будут приближаться к гражданскому типу политической культуры. Поскольку только лишь статистическое наличие системы представительства, альтернативных выборов, политических партий и др. не означает их качественного соответствия демократическим принципам и процедурам.

Подводя итог рассуждениям о месте политической культуры в механизме функционирования политической системы, следует еще раз подчеркнуть, что она является принципиальным субъективным фактором, обуславливающим отношения власти и влияния между государством и обществом. За ней закреплён целый ряд важнейших для политической системы функций. К ним относятся легитимация политического порядка, создание и сохранение нормативно-ценностной базы, соответствующей характеру политической системы, функции интеграции и консолидации, причем, не только на уровне общества, но и во взаимодействии между обществом и политической системой. Кроме этого, участвуя в механизмах воспроизводства политической системы, политическая культура выполняет социализационные и воспитательные функции, мобилизует граждан на поддержку определенного политического курса. Однако то, насколько эффективно эти функции будут реализовываться и к каким результатам приведут, будет во многом зависеть не только от политико-культурных особенностей конкретного общества, но и от целей, задач и курса самой политической системы, характера осуществления ее регулятивных и символических возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 3—4.

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014.

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002.

²¹ *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. С. 15.

Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3.

Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М., 2003.

Ирхин Ю.В. Социология культуры. М., 2006.

Общая социология: Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 2002.

Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М., 2001.

Россия: социальное неравенство возрастает. 09.10.2013 // Официальный сайт Аналитического портала “Мир безопасности”. URL: <http://id-mb.ru/news/russia/3451/> (дата обращения: 31.01.15).

Формизано Р.П. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3.

Шейнис В. Переход через Рубикон // Независимая газета. 2015. 13 февр. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-02-13/5_rubikon.html (дата обращения: 24.02.2015).

REFERENCES

Almond G., Verba S. Grajdanskaya kul'tura. Podhod k izucheniju politicheskoy kul'turi // Politia. 2010. N 3–4.

Almond G., Verba S. Grajdanskaya kul'tura: politicheskiye ustanovki i demokratsiya v piati stranah. M., 2014.

Almond G., Powell G., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naya politologiya segodnia: Mirovoy obzor / Pod red. M.V. Il'ina, A.U. Mel'vilia. M., 2002.

Batalov E.Y. Politicheskaya kul'tura skvoz' prizmu civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. N 3.

Formizano R.P. Poniatiiye politicheskoy kul'turi // Pro et Contra. 2002. Т. 7. N 3.

Gorshkov M.C. Rossijskoye obschestvo v usloviyah transformacii: mifi i real'nost' (sociologicheskij analiz). 1992–2002 gg. M., 2003.

Heunks F., Hiksdoors F. Political culture 1960–1990 // Values in Western Societies / Ed. by R. de Moor. Tilburg, 1995.

Irhin U.V. Sociologia kul'turi. M., 2006.

Obschaya sociologia: uchebnoye posobiye / Pod red. A.G. Efendieva. M., 2002.

Politicheskij process: osnovniye aspekti i sposobi analiza / pod red. E.U. Melshkinoy. M., 2001.

Россия: socialnoye neravenstvo vozrastaet. 09.10.2013 // Oficial'nij sait Analiticheskogo portala “Mir bezopasnosti”. URL: <http://id-mb.ru/news/russia/3451/> (data obraschenija: 31.01.15).

Shejnis V. Perehod cherez Rubikon // Nezavisimaja gazeta. 2015. 13 февр. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-02-13/5_rubikon.html (data obraschenia: 24.02.2015).

Viatr E. Sociologia politicheskikh otnoshenij. M., 1979.